

«ПОДВИГ ИНДРЫ» КАК НАЧАЛО НОВОГО ГОДА ПО ВЕДИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ СВАТИЛИЩА ТАМГАЛЫ)

Ярчайшим примером древнего наскального искусства на территории Казахстана эпохи бронзы является святилище Тамгалы. Исследователи наскального искусства Я. Шер, А. Рогожинский, А. Марьяшев, К. Муратаев [1, 2, 3, 4] высказывали предположение, что изобразительный ряд святилища Тамгалы связан с Ригведами – великим памятником индоиранских племен. Согласимся с этой предположением, более того мы считаем, что центральная скальная плита святилища изображает семерых сыновей богини Адиты и двенадцать танцующих богов на праздновании Нового года.

Уникальный памятник культуры в урочище Тамгалы располагается в юго-восточной части Чу-Илийских гор, разделяющих бассейны рек озера Балхаш и р. Чу (входящего в состав равнинно-предгорной пустынно-степной зоны Северо-Тяньшанского региона). Комплекс образуют около ста разновременных памятников – поселений, могильников, древних каменоломен, петроглифов и культовых сооружений (жертвенников), датируемых в широком историческом интервале с середины XIV-XIII до н.э. по XIX-XX [2, с. 50].

Петроглифы и древние захоронения – это основной вид памятников комплекса Тамгалы. Известны семь могильников эпохи бронзы, группирующихся на правом и левом берегах р. Тамгалы. Все могильники эпохи бронзы входят в круг памятников андроновской культурно-исторической общности. «Типологически памятники Тамгалы относятся к центрально-казахстанскому (атасуйскому) и семиреческому вариантам андроновской общности, отражая миграционно-диффузный характер формирования населения юго-восточного Казахстана в позднем бронзовом веке» [2, с. 51]. Мы согласны с мнением некоторых исследователей, которые характеризуют этот комплекс как древнее святилище или храм под открытым небом, предназначенный для ритуальных действий или церемоний [2, с. 58].

Остановимся на выдающемся образце петроглифики эпохи бронзы, коим является изображение семи божественных персонажей. Седьмой персонаж (хуже распознаваемый, нежели остальные) расположен выше уровня солнцеголовых божеств, можно сказать - над фризом. Если его торс и голова еще как-то прочитываются, то нижней части, по-видимому, эта фигура не имела. Добавим, что его десять слабо выбитых лучей, отходящих от головы, сильно отличаются по патине и, вероятно, были добавлены позже. Зато изображения других шести богов имеют ярко индивидуальный характер. На наш взгляд, их можно персонифицировать с богами гимнов Ригведы. Обычно археологи называют их солярными божествами или «солнцеголовыми» из-за характерного «нимба» с лучами или точками. Среди семи богов нет двух одинаковых изображений «солнцеголовых». Здесь же, ниже солярных божеств, изображены двенадцать танцующих мужчин-воинов, адоранты, а также женщина-роженица, которая, возможно, и есть сама богиня Адити. Изображение женщины-роженицы на центральной плите подтверждает нашу мысль о рождении новой жизни, в данном случае – рождении Нового года.

Мы полагаем, что святилище Тамгалы связано с празднованием Нового года, этот праздник уходит своими корнями в глубокую историческую древность. Уже человек первобытного общества (II тыс. до н.э.) наблюдал циклическую смену времен года и пытался объяснить феномен солнцестояния, что отражено в ритуалах и обрядах празднования дня зимнего солнцестояния. Этот день знаменателен тем, что световой день становится длиннее и все «живое» - органическая жизнь пробуждается к жизни и плодоношению. В древние времена на Востоке наступление Нового года означало сотворение мира его верховными богами заново. Из гимнов Ригведы следует, что Новый год начинается с подвига бога Индры, когда он побеждает змея Вритру (Варуна), после чего с помощью Вишну на земле устанавливается порядок.

Чтобы лучше представить образы солнцеголовых божеств на центральной тамгалинской скальной плите (рис. 1), кратко опишем их. Крайние две фигуры обращены на запад, а третья, пятая и шестая – на восток. А.Е. Рогожинский считает [5, с. 58], что корпус и ноги четвертого персонажа подновлены, но, мы считаем, что это была одна из немногих фронтальных фигур солнцеголовых божеств, имеющая направленность к югу. Отметим, что все персонажи различны по высоте, причем самые малень-

кие фигуры – это крайние справа. Они изображены с воздетыми кверху руками. Нимбы всех «солнцеголовых» различны; у многих персонажей его обрамляет «ожерелье» из округлых пятен-точек. Два божества (второе и пятое) имеют лучи, радиально отходящие от центра нимба. Крайняя правая фигура, обращённая к востоку, изображена с семнадцатью плавно изогнутыми лучами, поднимающимися от головы кверху подобно пламени огня. Другим специфическим признаком этого же персонажа является выступ в нижней части головы, напоминающий язык. Древний художник постарался передать индивидуальные черты персонажей пантеона такими средствами иконографии, как: двойным или одинарным нимбом, величиной точек, положением рук и ног, формой лучей, исходящих из нимба; наличием половых признаков; обращенностью фигур на запад или восток при помощи разворота ступней, величиной фигур и т.д. Все изображения божеств имеют антропоморфный облик.

Таким образом приходим к следующим выводам: 1) величина божеств говорит о занимаемом месте в божественной иерархии; 2) индивидуальность каждого из семи персонажей проявляется в изображении жестов, «нимбов», лучей и точек в виде округлых пятен; 3) изображения скального фриза объединены в единую композицию; 4) центральная плита урочища Тамгалы изображает Индру после совершения подвига вместе со своими братьями сыновьями Адитьи.

По поводу последнего вывода можно привести доводы, что в Ригведе перечисляются имена сыновей Адитьи. Это – Митра, Арьяман, Бхага, Варуна, Дакша, Анша, Индра. В тексте Ригведы говорится о них (РВ, гимн Х.72) [6]. Возможно, эти же персонажи изображены в тамгалинском пантеоне. Согласимся с утверждением ряда исследователей (А. Рогожинского, Е. Кузьминой и др.) [2, 7], что ключом к проникновению в смысл этой центральной картины святилища – пантеона божеств, надо искать в ведийской религии, а именно – в космогонических мифах, рассказывающих о том, как некогда стал существовать мир. Для того, что лучше понять изобразительный смысл центральной тамгалинской плиты привлечем работу Ф. Кейпера «Труды по ведийской мифологии» [8]. Он пишет: «Происхождение мира явило собой прототип бесконечно повторяемого процесса постоянного обновления жизни и мира» [8, с. 28]. «Вначале была лишь вода, но эти так называемые изначальные воды несли в себе семя жизни. Со дна поднялся небольшой комок земли и плавал на поверхности. Затем он расширился

и стал горой, начало земли, продолжая держаться на воде... Изначальный мир был сакрален сам по себе, и для его создания не было необходимости в создателе... Особая группа богов, асуры, была связана с этой первой стадией» [2, с. 28, 29]. Эта «выдержка» из Ригведы, приведенная Ф. Кейпером, подтверждает то, что мир до подвига Индры находился в состоянии хаоса, не был упорядочен. Стало быть подвиг Индры явился некой точкой отсчета новой жизни, нового мира. Мир с этого времени меняется, он становится дуальным, появляется день и ночь, небо и земля, времена года. Именно с этого момента мы говорим о таком понятии как Новый год, поскольку свой подвиг Индра осуществлял ежегодно. Как считает Ф. Кейпер этот подвиг Индры приходился на день зимнего солнцестояния 21 декабря. «Индра был сезонным богом, чей мифологический акт состоял в создании и обновлении мира и открытии нового года» [8, с. 29, 30]. Мы в отличие от Ф. Кейпера по ряду причин считаем, что подвиг Индры приходился на день весеннего равноденствия 20 - 21 марта. «Дни равноденствия на всей поверхности Земли (исключая районы земных полюсов) день почти равен ночи («почти»: в дни равноденствия на всей поверхности Земли день несколько больше ночи; причинами этого являются атмосферная рефракция, которая несколько «приподнимает» солнечный диск для наблюдателя, и тот факт, что долгота дня определяется как разность между моментами захода и восхода солнца, которые, в свою очередь, определяются по положению *верхнего края* солнечного диска относительно горизонта, в то время как равноденствие рассматривается относительно *центра* солнечного диска). В дни равноденствия Солнце восходит почти точно на востоке (несколько севернее востока) и заходит почти точно на западе (несколько севернее запада)... Весеннее и осеннее равноденствия считаются астрономическим началом одноимённых времён года» [9].

Три группы персонажей образуют единую иерархичную композицию, в которой высший уровень образуют солярные божества. Промежуточное пространство между ними и антропоморфными персонажами на нижней плоскости занимает цепочка однотипных фигур танцоров и роженицы. Отметим, что, во-первых, три группы персонажей органично связаны с рельефом скальной поверхности, во-вторых, что каждый уровень изображается в своём определенном масштабе. Все исследователи этой плиты (А. Марьяшев, Е. Рогожинский и др.) сошлись на том, что верхний фриз обозначает мир небесных богов, а нижний уровень представляет земной

уровень мироздания и изображается фигурами людей (адоранты, фронтальная эротическая пара). Но, также отмечается, что «маргинальное» положение группы танцующих воинов и роженицы изображены древним мастером в непосредственной близости к божественным персонажам. Это позволило Е. Рогожинскому связать их «с категорией предков, наделённых в представлениях и обрядовой практике древних функциями посредников между людьми и верховными божествами» [10, с. 40].

Итак, изображенные образы семи солнцеголовых божеств и композиционная структура плиты *пантеона* позволяет нам сделать вывод относительно того, что арийские племена эпохи бронзы имели цельную картину мира, основанную на собственных космогонических представлениях. Выше нами уже было упомянуто, что древнейшим источником по ведийской мифологии и религии является Ригведа. Поэтому вновь обратимся к текстам гимнов Ригведы [6] и к труду индолога Ф. Кёйпера [8].

Скорее всего, ансамбль-святилище Тамгалы регулярно посещалось ариями (андроновцами) в эпоху бронзы, позднее, в эпоху железа – сакскими, ещё позднее – тюркскими племенами в дни весеннего равноденствия. Здесь, возможно, проводились масштабные празднования Нового года – возрождения природы. В регионе, скорее всего, климат с эпохи бронзы существенно не изменился, к этому времени сходил снег и наступали тёплые дни, да и сам день становился длиннее. Ф. Кёйпер отмечает, что в Ригведе ряд гимнов указывает на то, что регулярное проведение торжественных празднований дня зимнего солнцестояния [8, с. 50], но убеждающей нас доказательной базы, почему именно зимнего, а не весеннего солнцестояния, он не приводит. Поэтому мы считаем, согласно сказанному нами выше, что празднование Нового года приходилось на дни весеннего солнцестояния.

Приведем следующий показательный пример, в котором речь идёт о смысле, придаваемом древними празднованию Нового года: «В Индии встречается так же широко распространённое представление о времени как о циклическом процессе. Это предполагает, что начало каждого нового года считалась новым космическим зачатием и что, следовательно, в конце года космос возвращался к своей отправной точке, нерасчленённому состоянию хаоса – чтобы вновь возродиться» [8, с. 49]. Ф. Кёйпер связывает это событие с поединком, который совершил Индра, один из главных богов Ригведы, с драконом Вритрой. Этот миф «относится к сотворению организованного космоса, состоящего из верхнего и нижнего

мира» [8, с. 108]. Далее он пишет, что «сосредоточенность поэтов РВ исключительно в этой части космогонии обязана, возможно, тому обстоятельству, что этот миф был исключительно важен в социальной жизни, так как на нём основывались социорелигиозные обряды, связанные с празднованием Нового года» [8, с. 117].

Обращаясь к разрозненным фактам гимнов Ригведы, к поздней книге Ригведы, к так называемым философским гимнам: – «неразличимы поток, высокие воды, которые зачали вселенную в виде своего зародыша и породили бога огня (X.129.3)» [53, с. 118], к Авесте [IV.2.6 и 8; XII] и брахманам [ШБр – VI. 7.17; VI.8.2.2; VII.4.1.8], – Кёйпер приходит к следующему выводу: «Вначале была лишь вода, но эти так называемые изначальные воды несли в себе семя жизни. Со дна поднялся небольшой комок земли и плавал на поверхности. Затем он расширился и стал горой, начало земли, продолжая держаться на воде [...] Изначальный мир был сакрален сам по себе, и для его создания не было необходимости в создателе [...] Особая группа богов, асуры, была связана с этой первой стадией» [8, с. 28, 29]. «Пронзив эту «гору», заключающую в себе зачатки жизни, Индра одновременно прочно приковал её основу ко дну вод. Так как гора находилась в центре космоса, в центральной точке земли, вся земля тем самым стала *крепкой* и *устойчивой* [...]. Таким образом, космическая гора была не только местом, откуда произошла земля, но также стала функционировать в качестве «колышка», обеспечившего земле твёрдую *опору*» [5, с. 125].

Заслуживает внимания другое кёйперовское предположение о том, что у древних индоарийских племён уже существовало учение, которое мы сегодня связываем с феноменом так называемой «эмбриональной памяти». В частности, он говорит о том, «что индийский миф о начале мироздания обнаруживает некоторое сходство с зачатием человеческого существа» [8, с. 126].

Мы вполне солидарны также с кёйперовским тезисом относительно того, что ведийский космогонический миф проводит различие между двумя стадиями: неделимого первоначального мира, который состоит из «вод» и начала земли, дрейфующей по поверхности и следующей за ней стадией, которая начинается с того, что Индра бросает своим оружием, ваджрой, в дракона или в саму гору, которая благодаря этому приобретает твёрдую основу.

Конечно, нас удивляет агрессивный характер подвига Индры и необходимость преодоления мощной «силы сопротивления», воплощённой в драконе, который сторожит гору. Далее, на основании изучения текстов Ригведы, Кёйпером был сделан вывод, что именно эта «вторая стадия играла решающую роль в культе, ввиду того, что ежегодные обряды, целью которых было обновление жизни, были ритуальным воспроизведением первоначального акта творения. Соответственно для ведийского общества такое *подавленное сопротивление* [...] было главным мифологическим событием, которое обуславливало обновление мира и индивидуумов, и в обрядах (преимущественно ежегодных) подобное восстановление осуществлялось с помощью состязаний и борьбы, которые имитировали первоначальное сражение бога» [8, с. 131].

Для понимания созданной картины мира восстановим порядок событий подвига Индры. Убив дракона Вритру и разбив гору, охраняемую им, Индра тем самым закрепляет землю, которая до этого плавала в водах. Из горы Индра выпускает жертвенных тучных коров, после чего он разделяет небо от земли, установив вертикальный столб. Таким образом, в ведийской мифологии появляются боги верхнего и нижнего мира – дэвы и асуры, боги дня и ночи. В Ригведе символом «древа жизни» является вертикальный столб, разделяющий небо и землю, который установил Индра при сотворении дуального мира [8, с. 136].

Обратимся вновь к тамгалинской плите, у подножия которой был найден жертвенник (алтарь), который представлял собой круглую площадку диаметром около пяти метров. На этой площадке были найдены остатки золы от погребального костра и кости, предположительно лошади. Наличие жертвенника подтверждает нашу версию празднования Нового года и исполнения в алтарной части жертвенных ритуалов.

Выше мы уже останавливались на том, что в композиции скальной плиты наблюдается иерархичное расположение трех групп персонажей: высший уровень занимают солярные божества, а между ними и адорантами в нижней части картины – серия фигур танцоров и женщина-рожевица [2, с. 54]. Известно, что пляска-танец – это главный атрибут праздника, в Ригведах в подтверждение этому имеются строки о пляшущих богах (РВ, гимн X.72) [6].

Приходим в выводу, что комплекс Тамгалы был своеобразным святилищем ритуальных действий мистериального характера в эпоху бронзы,

в которых ежегодно участвовали приезжающие сюда племена ариев в канун весеннего равноденствия для празднования Нового года, что подтверждено гимнами Ригведы и изображением на центральной плите бога Индры и его шести братьев, пляшущих двенадцати человечков-богов, женщины-роженицы (Адитьи) и адорантов (молящихся).

ЛИТЕРАТУРА

1. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: «Наука», 1980. – 327 с.
2. Рогожинский А.Е., Аубекеров Б.Ж., Сала Р. Памятники Казахстана// Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. – Алматы, 2004. – С. 45 – 95.
3. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Наскальные изображения Семиречья. Алматы, 2002. – 264 с.
4. Муратаев К.К. Солнцеликие божества урочища Тамгалы // Искусство против кризиса. Инвентаризация. – Алматы, 2010. – С. 106 - 108.
5. Рогожинский А.Е. Наскальные изображения «солнцеголовых» из Тамгалы в контексте изобразительных традиций бронзового Казахстана и Средней Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 4. – Бишкек, 2009. – С. 53 - 65.
6. <http://scriptures.ru/vedas/>
7. Кузьмина Е.Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. – М.: Российский институт культурологии, 2002. – 286 с.
8. Кейпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии. – М.: Наука, 1986. – 195 с.
9. <http://aa.usno.navy.mil/faq/docs/equinoxes.php>
10. Рогожинский А.Е. Изобразительный ряд петроглифов эпохи бронзы святилища Тамгалы // История и археология Семиречья. Вып. 2. – Алматы: Фонд Родничок, Фонд XXI век, 2001. – С. 7 - 44.

Ключевые слова: Ригведы, петроглифы, эпоха бронзы, Индра, Новый год



Рис. 1. Центральная плита 4 группы петроглифов святилища Тамгалы

Said Qalimjanov (Qazaxıstan)

Vedi mifologiyasına görə «İndranın qəhrəmanlığı»

Yeni ilin başlanğıcı kimi (Tamqala məbədinin təmsalında)

Məqalədə Yeni ilin bayram edilməsi Rıqvedlərin vedi mifologiyası kontekstində nəzərdən keçirilir. Yeni il baş allah İndranın iblis-əjdaha Vritra üzərində qəhrəmanlığı ilə bağlıdır. Müəllif ehtimal edir ki, Tamqala məbədində eramızdan əvvəl II minilliyin ortasında bu hadisəni baharda gecə ilə gündüzün bərabərliyi günlərində bayram edirdilər, həmçinin hər il bu qəhrəmanlığa və müvafiq olaraq Yeni ilin əvvəlinə həsr olunmuş teatr şəbihlər oynanırdı.

Açar sözlər: Rıqvedlər, petroqliflər, bürünc əsri, İndra, Yeni il.

Said Galimzhanov (Kazakhstan)

**“Indra s heroism” as the beginning of the New Year
according to Vedy mythology (on the example
of the sanctuary Tamgala)**

In the article there is considered the celebration of the New Year in the context of Vedy mythology of Rigveds where the New Year is connected with the heroism of the highest God Indra over the demon-snake Vritra. The author supposes that this event was celebrated in the sanctuary of Tamgala in the middle of the II millenium B.C. in the days of vernal equinox, as well as the theatrical mysteries devoted to this heroism and correspondingly to the begining of the New Year were played every year.

Key words: Rigveds, petroglyphs, the epoch of bronze, Indra, New Year.